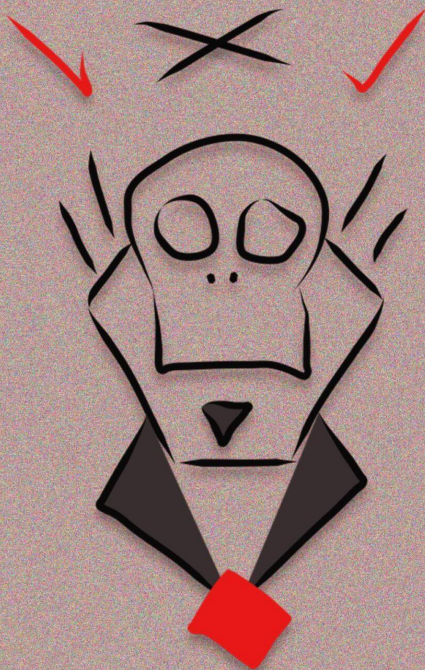

Отель
«Забывтие»

Илья Финк

Илья Андреевич Финк

Отель «Забывтие»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68832513

SelfPub; 2023

Аннотация

Маленький неприметный городишко, старый отель. Мужчина по фамилии Разумов пытается понять, о чем говорят ему все посетители, с которыми он знакомится. Грядет судный день, никому не спрятаться от его натиска. Подозрительные постояльцы, разговорчивый швейцар, скрывающий страх, оперная певица, не раскрывшая свой потенциал, женщина, страдающая шизофренией – что объединяет всех этих людей, почему они находятся под одной крышей чахлого отеля? Что представляет из себя некий «Конец», почему все боятся прихода «Жнецов смерти» и почему Разумову никогда больше не покинуть этого места. Драма в тринадцати разговорах, меняющая сознание и открывающая глаза на взаимоотношения, скучную жизнь и боязнь перемен.

Содержание

Разговор 1.	4
Разговор 2.	7
Разговор 3.	9
Разговор 4.	11
Разговор 5.	14
Разговор 6.	16
Разговор 7.	19
Разговор 2.1.	22
Разговор 8.	24
Разговор 9.	27
Разговор 10.	30
Разговор 11.	32
Разговор 12.	34
Разговор 13.	37

Илья Финк

Отель "Забывание"

"Где есть надежда, там есть жизнь. Она снова наполняет мужеством и придаёт силы"

Анна Франк

Разговор 1.

Разумов ворочал в руках стеклянный шарик с раскрашенными в красную краску стенками. Стоя у ресепшена неприятного на вид отеля, он пытался понять, что конкретно не дает ему проникнуться духом этого мелкого городишка.

– Одноместных номеров нет. Разобрали всё, когда узнали о надвигающемся «конце», надеются спрятаться.

– Простите?

Длинный худой мужчина стоял перед стойкой администратора и, выпучив глаза, пытался собрать мысли.

– «Конец» близко, вы что, не знаете? Он заберет всех, вот они и пытаются спрятаться.

Пожилая женщина в красном мундирчике объясняла посетителю ситуацию, которую ждал весь этот чахлый город. Останавливаясь после каждого предложения и делая небольшую передышку, она объяснила, что каждый год в один и тот

же день в город приходят «Жнецы смерти», забирая кого-то из жителей. Этот день прозвали «Концом». Разумов попал сюда в самое неподходящее время.

– Поселите меня хоть куда-нибудь. Я готов ночевать с кем угодно и где угодно, только дайте мне ночлег. На улице очень холодно.

– Вы не понимаете. Город через несколько часов сойдет с ума, вам нельзя тут оставаться. Вам нужно уезжать!

– Я не могу уехать, я нужен здесь. Меня пригласила одна дама, только я могу ей помочь.

– Как вы собрались ей помочь, какая вообще ей нужна помощь?

– Понимаете, – он завернул ворот рубашки. – я психолог. У той дамы, которая ко мне обратилась, невероятно тяжелая судьба. У нее куча проблем в голове, я попытаюсь ей помочь.

Женщина-консьерж посмотрела на Разумова, закатила глаза и продолжила:

– Грядет «Конец», и с вашим описанием, конечно, извините, но не думаю, что она выживет. Таких забирают в первую же очередь.

– Да что такое этот ваш «Конец», почему людей вообще должны куда-то забирать, почему люди идут куда-то добровольно?

– У них нет другого выхода. Это судьба. Если за тобой пришел жнец, то ты обречен, абсолютно без права на спасение. Все уже решено за тебя.

К внимательно слушающему мужчине подошел швейцар. Смуглый мальчишка лет девятнадцати поравнялся с краем стойки, выпрямился и дотронулся до плеча Разумова:

– Ваш чемодан я разместил в 413 номере, мистер. Двухместный стандарт. Ваш сосед – какой-то нерусский, вроде француз, я так и не разобрал. Пройдемте?

Разумов посмотрел на консьержку, кивнул и проследовал за швейцаром. Женщина немного наклонилась, чтобы половина тела свисала с ресепшена и закричала вслед:

– «Конец» близко, никто не спасется.

Разговор 2.

Разумов шел по узкой лестнице за парнишкой в черном мундирчике. Когда они прошли второй этаж мужчина заговорил:

– Ты тоже боишься этого «Конца»?

– Все его боятся, только кто-то больше, кто-то меньше. Я пережил в этом городе уже пять таких дней. Пять лет подряд я молился, чтобы меня не забрали

– Пять лет... почему ты не уехал отсюда? Зачем ждать собственной смерти? Это же абсолютно неразумно!

– А зачем куда-то уезжать? Смерть все равно рано или поздно настигнет. У каждого свой путь, у кого-то короткий, у кого-то длинный. Заберут в судный день – на то воля божья. Смирился я уже. Так-то городишко хороший, маленький такой. Летом дышится легко, не представляете как. А вот зимой, конечно, хоть в пять шуб зашивайся, все равно холодно будет. Еще и «Конец» этот. После второго такого я даже и ждать уже перестал. Ну день и день, умереть и не в него спокойно можно, а если выпадет так, и жнец придет, то я только рад буду, что так уйду.

– Абсурд какой!

– А по-другому и не бывает, это не объяснить иначе. Мираются люди, понимают, что ничего не сделать.

– Уехать, почему нельзя просто уехать?

– Да объясняю же, незачем. Людям и тут хорошо, зачем что-то менять? Не нужны перемены никому, все уже привыкли к таким устоям.

– Абсурд, чистой воды абсурд.

– А вы, мистер, откуда вообще будете?

– Из Москвы я, проездом тут у вас на несколько дней.

– Это вы конечно, удачные деньки выбрали, для проезда-то. Не боитесь не вернуться?

– Я абсолютно не понимаю всего этого вашего «Конца», в голове не укладывается, чтобы люди добровольно шли на собственную смерть! Бред, какой бред!

– Ну, не скажите, мистер. Для кого-то бред, для кого-то целая жизнь. А вот и ваш номер, кажется. Дошли.

Парень отворил Разумову дверь в 413 номер, потянуло портвейном. Швейцар протянул мужчине руку:

– Надеюсь к утру застать вас живым, мистер. Приятно было поболтать.

– Спасибо, тебе тоже удачи. Хоть и не верю во все это я.

Швейцар пожал руку Разумову, развернулся и зашагал вниз по лестнице. Мужчина же шагнул внутрь номера.

Разговор 3.

– Ох, уи! Приветствую вас, синьоре!

Молодой француз лежал на койке справа от входа и смотрел на своего нового соседа.

– Меня зовут Луи, а вы как?

– Вы хотели сказать «Вас»?

Разумов посмотрел на молодого человека. Его светлые кудрявые волосы небрежно перебегали в разные стороны, когда француз вертел головой. Одет он был в синие брюки, синюю рубашку и синий пиджак. Некий морской человек, в цвет океана.

– О, да-да! Вас, как вас зовут?

– Андрей. Меня зовут Андрей.

– Что принесло вас сюда, Андрэ?

Разумов прошел в номер и сел на кровать слева от двери. Посмотрел на свой чемодан, а затем перевел взгляд на собеседника.

– Еду к одной беспокойной женщине, борется с недугом. Просит, чтобы я ей помог.

– А кто же вы по профессии, раз лечите недуги женщин?

– Я психолог.

Мужчина встал и медленно опустился к чемодану. Открыл его и начал доставать оттуда некоторые вещи: записную книжку, черную стальную ручку и карманные позолоченные

часы. Потом он сунул руку в карман своего пиджака и достал оттуда красный стеклянный шарик. Кинул его внутрь чемодана, прямо на рубашки. После закрыл чемодан и сел обратно на кровать.

– А вы? – начал Разумов. – Не боитесь «конца»?

– Уи! Конечно боитесь! Но так уж вышло, что я здесь не первый «конец». Второй, на моей памяти, переживаю.

– И не уезжаете?

– А зачем, друг мой? Разве плохо здесь? И кормят, и поят, и работа есть.

– И умереть в такой день можно.

– А что же до смерти-то? Разве не ждет она где-нибудь за углом? Разве не постучит в твою дверь в любой день? Если судьба скажет, что я должен умереть сегодня, то я не буду перечить – умру.

– Почему вы все тут такие? Вы принимаете смерть, как будто она часть вашей жизни. Почему?

– Все просто, друг мой. Зачем бежать от того, что все равно тебя настигнет? Разве есть в этом какой-то смысл?

Разумов опять встал с кровати и направился к двери. Потянув за ручку он открыл себе путь в коридор.

– Мне нужно на воздух, прошу меня извинить.

– Не стоит беспокоиться, новые люди часто не понимают тонкостей нашего города и его жителей.

Мужчина посмотрел на француза и выскочил в коридор.

Разговор 4.

Коридор отеля заливал желтый свет тусклых ламп. На полу лежал красный старый ковер, а стены украшали картины в деревянных рамках. Разумов шел по длинному коридору и пытался вникнуть во все эти размышления по поводу жнецов и судного дня. Вдруг на встречу ему вышел полный человек в строгом костюме и лакированных туфлях. Они чуть было не столкнулись, а если бы все-таки это произошло, то Разумов наверное бы отлетел в конец коридора под натиском массы своего противника.

– Ох, извините, извините, я чуть было не сбил вас с ног! Простите, ради бога, простите!

Мужчина выставил руки вперед, осматривая Разумова. Сам мужчина был невысоким, с седыми волосами и жидкими усами. Глаза его закрывали очки с тоненькой оправой и толстыми стеклами.

– Ничего, обошлось, все нормально!

– Вы тут новый, наверное? Я вас раньше не видел.

Незнакомец протянул руку:

– Массалов Григорий Григорьевич, местный депутат.

– Разумов, Андрей Разумов.

Они обменялись любезностями, а после Массалов достал из кармана пиджака пачку сигарет, вытащил одну и сунул в рот. Жестом предложил Разумову.

– Не курю, спасибо.

– Это вы зря, конечно. Сегодня все курят, даже некурящие. «Конец» же близко, надо накурится вдоволь, потом уже не сможем.

– Вы тоже переживаете уже не первый «Конец», я полагаю.

– Да, верно, уже тринадцатый. Но сегодня какой-то особый день.

– Что вы имеете в виду?

Разумов посмотрел на курящего собеседника.

– Умру я сегодня, Андрюха, умру. Чувствую это. Придет жнец по мою душу, точно придет, зараза. Чую придет.

– Вы боитесь?

– Конечно, конечно боюсь. А как иначе? Можно было привыкнуть уж за тринадцать-то лет, согласен, но предчувствие смерти играет злую шутку с моим разумом. Принял я уже известие о скорой кончине, но все равно боюсь чего-то. Страх из сердца не выбить, он там глубоко засел.

– Я говорил до этого с людьми, но они абсолютно спокойны. Говорят, что если судьба так решила – значит так тому и быть.

– Врут всё, врут. Никто не может быть спокоен в судный день. Скрывают просто, чтобы тебя не пугать. Через несколько часов будут вжиматься в кресло и молиться, чтобы дверь не распахнулась и не зашел жнец, вот увидишь.

– Это все так странно.

– А по-другому у нас не бывает. Точно сигарету не хочешь, а то я пойду скоро, дела есть на седьмом этаже.

– Нет, спасибо. Воздержусь.

– Ну, как знаешь. Бывай, если что заходи, я в 715 осяду, там смерть приму.

Массалов похлопал Разумова по плечу и поспешил скрыться на лестнице.

Разговор 5.

– Жнеца! Я видел на улице жнеца!

На Разумова налетел мужчина, выбежавший из номера отеля. Он вцепился в него и, широко раскрыв рот, закричал:

– Жнецы! Они готовятся к «Концу», мы все выбраны, мы все умрем! Времени мало, мы обречены!

Разумов попытался успокоить внезапно появившегося собеседника:

– До прихода жнецов, как я понимаю, еще около двух часов, успокойтесь.

– Успокойтесь? Успокойтесь? Вы что, сумасшедший? Вообще смерти не боитесь? Жнецы заберут всех, вас в первую очередь, потому что вы не верите в их силу. Не верите и смеётесь!

– Прошу вас, остыньте. Я не говорил, что не верю в жнецов и «Конец», просто я не местный, и не совсем понимаю, что у вас здесь творится.

– А, ну конечно, не местный, приезжий. Как же я сразу не понял, ты ничем мне не поможешь. Не местных они редко трогают, такие как вы им не нужны, не интересны.

– В каком плане «не интересны»?

– Да что с вас возьмешь? Культуры не знаете, традиций и принципов тоже. Понаехали из столиц и заполняете город. А он и так уже по швам трещит, перезаполнение. Вот жнецы и

приходят. Из-за таких вот туристов. Ну ничего, ничего. Отсюда ты уже не уедешь, никогда больше не уедешь.

– Простите, но мой город за несколько тысяч километров отсюда, и я через несколько дней планирую туда вернуться.

– Нет, никто отсюда не уезжает, тут будто магнит. Он к себе тянет, и все тут. Нельзя просто взять и уехать, не пустит город тебя. Ты в западне. Если переживешь сегодняшнюю ночь – то придется жить еще миллион таких же.

– Но, вы же сказали, что нездешних не трогают?

– А кто их теперь знает. Может, начнут. Я не судья им, мое дело – ждать своей участи.

– Простите, мне нужно вернуться в номер, с вашего позволения.

– Да, конечно, беги, прячься. Нездешних не трогают, но могут начать, берегись.

Разумов уже не слышал, что говорил ему таинственный собеседник, он приближался к своему номеру.

Разговор 6.

Вернувшись в номер, Разумов обнаружил, что француза там нет. Он прошел внутрь и сел на свою кровать. Начал монолог с самим собой:

– Абсурд. Такой абсурд. Одни люди боятся смерти, другие воспринимают ее как факт, мирятся с ней. Еще и этот «Конец», жнецы. Что вообще происходит в этом городе? Почему я не смогу отсюда уехать, что это вообще за странности?

В дверь номера постучали. Разумов встал и замер:

– Неужели жнецы? Так рано? Меня? Нездешнего?

В голове проносились все речи собеседников, которых он встречал сегодня. В душе боролись страх и смирение: *так должно произойти, нельзя бежать от судьбы, но страшно мне, страшно умирать, не готов я.*

В дверь еще раз постучали.

Наконец, выдохнув, Разумов произнес:

– Входите, открыто.

Дверь распахнулась, и он увидел хрупкую миниатюрную девушку, одетую в кремовое пальто и вязаную шапку. Разумову стало легче, дыхание восстановилось.

– Андрей Васильевич, можно? Вы писали, что остановитесь здесь, консьержка показала мне ваш номер.

– Да, заходите, заходите, конечно.

Девушка распахнула дверь до конца и прошла внутрь. Се-

да на противоположную кровать.

– Итак, я вас слушаю, о какой именно проблеме вы хотите поговорить?

– Понимаете, доктор, я вдова. Я потеряла мужа три года назад, в один из судных дней. Жнец посетил наш дом, но забрал только моего Костю. А через два года, в прошлый такой день, я начала слышать, как он зовет меня. Говорит, что холодно ему там. Просит, чтобы пришла, согрела. И так каждый день. Каждый божий день, доктор. И мне так тоскливо становится, так плохо. Кажется, что придут сегодня жнецы за мной, заберут к мужу. Поэтому я вас сюда позвала, поговорить хочу с квалифицированным специалистом, у нас-то в городе таких нет, вылить душу некому.

– Но вы же понимаете, что я могу выписать вам препараты, выслушать, но большую часть работы должны выполнить вы сами. Никто вам не поможет, если вы сами этого не захотите, понимаете?

– Понимаю, доктор. Но просто выслушайте меня, тогда я смогу уйти к мужу хотя бы без лишних мыслей.

– Хорошо, я понял вас. Давайте поговорим.

– Вы верите в переселение душ?

– Например, как по Лондону в его «Страннике»?

– Да, что-то вроде, так верите?

– Я думаю, что душа способна переродиться, но какой смысл во всем этом? Вы ничего не вспомните из прошлой жизни. Все, кто был вам дорог, навсегда растворятся из ва-

шей памяти.

– Душа вечна, доктор, и после смерти люди остаются с теми, кто был им близок при жизни. Поэтому я слышу голос мужа.

– У вас посттравматический шок – стандартная реакция на смерть близкого человека. Я дам вам несколько препаратов, примите их сегодня ночью, чтобы облегчить свои страдания.

– Сегодня ночью я уйду, доктор. Жнецы придут за мной, я готова.

Дверь распахнулась, в номер завалился пьяный француз.

Разговор 7.

– Жнецы убьют нас, убьют всех! Умрем все, как псы подзаборные, никто и не вспомнит!

Разумов жестом успокоил свою гостью и встал с кровати, подойдя к французу.

– Вам, кажется, лучше на воздух.

– Не пойду туда, там эти твари! Всех хотят забрать!

– Успокойтесь, Луи, давайте выйдем в коридор.

– Не пойду я туда, хочу умыться.

Француз оттолкнул Разумова и ввалился в ванную комнату.

– Ведь они уже наготове, ждут, пока люди начнут бояться.

Молодой человек включил кран, потекла вода.

– Они ждут, твари, наших страданий. Ждут, что мы обделаемся со страха, потеряем контроль над собой. Стоят там, внизу, понимают, что не убежим уже никуда отсюда.

– Сколько их, вы видели, Луи?

В проем просунулась девушка. Француз перестал тереть лицо руками и закрыл кран, развернулся на голос. Посмотрев в её лицо с удивлением, он продолжил:

– С дюжину, наверное. На тысячу человек в отеле, конечно, кажется, что мало, но кто знает, за кем они пришли.

Девушка побледнела:

– За мной, точно за мной.

Разумов наблюдал разговор двух обреченных и пытался понять: стоит ли ему бояться смерти, или его пронесет, как нездешнего. Не решил, подумал, что оставит это на потом.

Француз тем временем вышел в комнату, протирая лицо полотенцем. Сел на свою кровать:

– Сегодня меня заберут, я так много грешил, так много...

– И меня заберут, к мужу, в лучший мир.

Девушка под села к молодому человеку.

– Вы тоже боитесь, или смирились, ждёте этого?

– Я? Думаю, смирилась. Уже хочу увидеть мужа, очень уж он зовет меня. Трудно ему там одному. А теперь вместе будем.

– Примите мои соболезнования, мне жаль.

– Ничего, прошло уже довольно много времени.

– Что вас беспокоит?

Француз взглянул в глаза девушки. Она посмотрела на него. Оба замолчали. Пауза длилась около двух минут, а Разумов все стоял и смотрел на этих двоих. Понимал, что сейчас они сами лечат друг друга, поэтому не мешал. Наконец, девушка продолжила:

– Голос мужа. Он будто не отпускает меня, иногда даже не дает жить спокойно. Постоянно в голове.

– Может, он пытается сопроводить вас к человеку, который будет заботиться о вас так же, как заботился он?

– Об этом я как-то не думала. Звучит убедительно, даже слишком.

Француз придвинулся ближе. Девушка сделала тоже самое. Разумов понял, что в данный момент он здесь лишний, поэтому поспешил удалиться. Он знал, что каким бы ни был этот «Конец», этих двоих он не заберёт. Они только что обрели то, о чем мечтают многие – любовь.

Разговор 2.1.

Разумов вышел в коридор и наткнулся на швейцара, который тащил чей-то огромный чемодан.

– Тебе помочь?

– Это же моя работа, не могу сваливать её на плечи посетителей.

– Да мне не сложно, все равно пройтись хочу.

Разумов подошел к чемодану, взял его правой рукой и взгромоздил на плечо.

– Куда тащить?

– В 716. Там новые заехали, супружеская пара какая-то, знать не знают про «Конец», тоже не местные, видимо.

– Как раз и пообщаемся, узнаю, о чем они сейчас думают.

– Да как о чем – об отдыхе, конечно. Иначе зачем сюда приезжать?

– Здесь разве знают слово отдых? Все постоянно на ногах, суетятся, что-то делают. Ну, в рамках этого города, конечно. У нас в Москве все еще быстрее.

– Знают-знают, только отдыхать не умеют, не заложено у жителей это. Постоянный маршрут: дом-работа-дом. Никаких изменений. Встрепенутся только в последние 15 минут перед «Концом», помолются, да и все. Кто выжил – возвращаются к прежней жизни, будто и не было ничего.

– Как же странно все тут у вас. Один тип сказал мне, что

я застрял тут навсегда, будто, мол, не уеду отсюда никаким образом.

– Отчасти прав. Город-то притягивает. Причем с такой силой, что волей-неволей проводишь тут время. Но не волнуйся, мне кажется, тебя пронесет – сможешь вернуться в свою Москву целым и невредимым.

– Спасибо, на это и рассчитываю. Планировал провести у вас тут не больше трех дней. Уж больно депрессивные виды.

– Что есть, то есть, согласен. Уныло тут зимой. И холодно до одури, ну, я уже говорил.

– Кажется, вот 716. Ты не против, если я зайду и пообщаюсь с приезжими? Хочу узнать у них какую-нибудь информацию.

– Да, конечно, без проблем. Главное, не пугай их сильно.

– Хорошо, постараюсь.

Они распрощались, и Разумов, постучавшись в дверь, зашел в номер.

Разговор 8.

– Простите, не потревожу?

Разумов аккуратно прошел внутрь номера, где располагалась супружеская пара. Мужчина стоял у окна, а его жена сидела за письменным столом и что-то вышивала.

– Мы не ждали гостей, кто вы?

– Извините, что зашел без приглашения. Швейцар сказал, что вы приехали недавно, вы нездешние?

– Нет, мы из Санкт-Петербурга. А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, я психолог, и приехал сюда чтобы помочь одной девушке, но сейчас она в полном порядке, и я вышел прогуляться. В отеле во всю бушуют разговоры о «Конце» и «Жнецах смерти», поэтому я хотел узнать у вас, слышали ли вы что-нибудь такое?

Стоявший у окна темноволосый мужчина развернулся и посмотрел на Разумова:

– Да, швейцар нам пытался что-то сказать, но я счел его разговор бредом, и не придавал особого значения. А что, есть повод бояться?

– Пока не выяснил. Один незнакомец сказал мне, что нездешних не трогают, но все равно посоветовал остерегаться.

Женщина встала из-за стола:

– Что вообще такое этот ваш «Конец»? И давайте хотя бы познакомимся.

– Ох, простите, совсем забыл о манерах. Меня зовут Андрей Разумов, психолог из Москвы.

– Я Алексей, это моя жена Вера. Просим, Андрей, расскажите о «Конце».

– А зачем вы вообще приехали сюда? В такой холод.

– У меня тут мать, при смерти. Приехали проститься.

– Она не рассказывала вам о «Конце»?

– Упомянула вскользь раньше, но прямо на эту тему мы не говорили.

– Так вы, получается, родились здесь?

– Да, но с момента моего уезда прошло уже больше 15 лет, я ничего не помню об этом городе.

Разумов с облегчением принял слова Алексея о том, что он уехал отсюда 15 лет назад. Значит и он сможет уехать сейчас без каких-либо проблем, точно сможет!

– Хорошо, я понял. На самом деле о «Конце» я знаю не больше вашего. Все, кого я встретил за последний час сходны в одном – если жнец пришел за тобой, то ничего уже не сделать.

– Вам не кажется, что все это бред? Как можно добровольно согласится на собственную смерть? Вы же врач, почему вы верите в эти сказки?

– Я пока не совсем понял, во что именно нужно верить. Пока я придерживаюсь нейтральной позиции.

– Нездешних не трогают, так? То есть, нам с вами бояться, по сути, нечего?

– Может и так. Но пока я до конца не выяснил сущность этого феномена, не могу утверждать наверняка.

В коридоре послышались шаги. Разумов отчетливо различал стук каблуков. Дверь, предположительно, соседнего номера, открылась, и каблуки скрыли свой стук за ней. Мужчина вспомнил о Массалове.

– Прошу меня простить, мне нужно кое-что выяснить. Возможно, я вернусь к вам позже.

– Конечно, не смеем вас задерживать.

Разумов еще раз осмотрел номер отеля, бросил взгляд на супружескую пару и удалился.

Разговор 9.

– 715? Массалов вроде говорил 715.

Мужчина подошел к соседнему номеру и постучал в дверь.

Раздался женский голос:

– Да-да, входите, открыто.

Разумов распахнул дверь. Его взору представился роскошный номер, освещенный хрустальной люстрой. На кресле напротив входной двери сидела очаровательная дама. На ней был домашний халат, а белокурые локоны ее обвивал платок.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Это уж вы преувеличили. Мне почти под сорок.

Разумов впервые за долгое время чуть улыбнулся.

– Мужчины молоды и прекрасны вплоть до самой смерти, дорогой. И всё же, кто вы?

– Я живу в 413 номере, мое имя Андрей Разумов, я психолог. Я ищу Георгия Массалова, он сказал мне, что будет здесь.

– Григория?

– Точно, Григория, да!

– Как видишь, дорогой, здесь только я. Гриша пока не заходил.

– Но, я видел его около получаса назад, и он все еще не

был тут?

– Думаешь я вру тебе, сладкий?

– Простите?

– Меня зовут Алла Луэнта. Я местная оперная певица. И, признаюсь, я очень люблю мужчин и их внимание ко мне. Понимаешь, милый?

– Оперная певица? У вас здесь есть театр оперы?

– Конечно! Ты что, дорогуша, думал, что наш город – это вообще дыра? Конечно, не как в вашей Москве, но культура везде культура.

– Я не говорил вам, что я из Москвы.

– А по тебе и так видно. Да и слышно. Выговор у тебя особый, так только москвичи говорят.

– Вы тоже из тех, кто не боится «Конца»?

– Его боятся все, милый. Все до единого. И я, и Гришка, и ты, золотце, тоже его боишься. Только пока не осознал этого.

– Сколько таких дней пережили вы?

– А сколько, ты думаешь, мне лет?

– Около 30?

– Мне 38, сладкий. И 38 раз я уже переживала «Конец».

– Я совсем запутался. С какого момента в этом городе появились жнецы?

– Жнецы были тут с самого начала, с самой застройки. Просто не все их помнят. Да и раньше их называли по-другому.

– Как?

– Да черт его знает, не помню уже. Да и не важно это, милый. Главное, что живы мы тут все, пока что, и на том спасибо.

– Нет ощущения приближающейся смерти?

– А у тебя?

– Вопросом на вопрос?

– Привыкла, извини. Привыкла себя защищать. Нет вообще никаких ощущений. Абсолютно. Как и предыдущие 38 лет. Знал бы ты всю мою историю жизни, не стал бы спрашивать чувствую ли я смерть. Я всегда ее желаю. Постоянно.

– Все было настолько тяжело?

– А как ты думаешь? Легко выживать оперной певичке в таком-то городе? Кругом разбой, разврат и потасовки. Разве это жизнь? Приходится чем-то жертвовать, чтобы иметь хоть какой-то кусок хлеба.

– Мне очень жаль вас. Искренне жаль.

– Да что мне с твоей жалости, столько таких жалеющих было, и что с того? Пользовались мной, как вещью, а потом уходили в закат, оставив на столе пару тысяч.

Женщина начала плакать. Разумов стоял в ступоре. Дверь в номер открылась. Показалась знакомая фигура Массалова.

– Андрюха! Друг мой!

– Давайте выйдем в коридор, Григорий, даме нужно побыть в одиночестве.

– Конечно-конечно, пройдемте.

Разговор 10.

– Почему Аллочка плачет?

– Видимо, я поднял болезную тему. Я не хотел, правда.

– Ничего-ничего, это не твоя вина. Нервы у нее расшатаны жутко. Плачет чуть ли не каждый божий день.

– Это ужасно. Почему вы не заботитесь о ней?

– А зачем? Она пропащая, что с нее возьмешь? Да и нужна она кому-нибудь разве? Да никому. Она же пустая. В голове ветер.

– Зачем вы так про нее? Что она вам сделала?

– Мне – ничего. А вот друзьям моим она здорово насолила. Её ведь хотели в Москву на гастроли отправить, лет десять назад это было. А что в итоге? Проспала такой шанс. Встала в позу, мол, не поеду и всё тут! Мы ей путь протоптали, выложили, а она, чертовка! Все бабы, Андрюха, дуры полнейшие! В голове пусто, в сердце пусто. Вообще пустые. Каждая такая, Андрюша, каждая.

– Не соглашусь с вами. Не все, далеко не все подходят под ваше описание.

– Да я столько таких перевидал, я ж депутат, Разумов, депутат. У меня столько этих баб было, на пальцах не пересчитаешь. И что? Каждая денег отхватила и поминай как звали.

– Вы несчастный человек, Массалов. Абсолютно несчастный. И несчастье ваше не в окружающих, а в вас самом.

Вы разочаровались в женщинах потому, что не смогли удержать каждую, которая была с вами. Поэтому вы обозлились на жизнь. Пытаетесь оправдать себя, поливая всех грязью. Нельзя так жить, я сочувствую вам.

– Зря ты это, Андрюха, ой зря! Я же злопамятный, я твои слова запомню.

– А если умрёте сегодня? Что тогда?

– А я тебя и с того света достану. Несчастный? Я несчастный? Насмешил, насмешил. Кто из нас-то еще несчастным будет.

Массалов немного оттолкнул Разумова и зашел в 715 номер, громко захлопнув за собой дверь.

Разговор 11.

– Мужчина! Мужчина! С вами все в порядке? Мужчина!

Разумов замотал головой в разные стороны, затем остановился и устремил взгляд в сторону, откуда исходил голос. Перед ним стояла женщина-консьержка, только другая, немного моложе той, которая была внизу, и посимпатичнее.

– Мужчина, вы меня слышите? Из какого вы номера, мужчина?

– А? Что?

– Из какого вы номера, спрашиваю.

– Простите, я немного задумался. Я из 413, а что?

– Просто делаю обход перед «Концом», вы должны быть в номере. Судный день с минуты на минуту начнется.

– Что, повторите?

– «Конец» скоро, говорю. У вас со слухом проблемы?

– Нет, я все прекрасно слышу, просто не понимаю.

– А что тут понимать? Вернитесь в свой номер и ждите начало «Конца». Если повезет, то спустя полчаса вы уже сможете выйти из комнаты.

– Мне ждать в своем номере?

– Ну что вы, ей богу, как слабоумный. Я же всё вам объяснила. Идите в свой номер и ждите. Идите же, мужчина, идите!

Разумов поспешил удалиться подальше от странной кон-

сьержки, сбегая по лестнице на свой этаж.

Разговор 12.

Дверь в номер была открыта. Из комнаты выливался свет. Разумов осторожно подошел ко входу и неспешно вошел внутрь.

Комната, некогда маленькая, тесная, стала вдруг огромной. Посередине в круг выставлены были десять стульев, а в центре круга стоял еще один.

– Проходи, садись, милый.

Андрей увидел Аллу. Она стояла в углу комнаты и показывала ему на стул, стоящий посередине. Разумов осторожно прошел в круг и сел. Алла подошла к кругу и села на один из стульев.

– Ну как? Разобрался в «Конце», сладкий?

– Не совсем. Вернее, вообще нет.

– А меня вот забрали, представляешь. Пришли, занавесили окна и забрали. Даже слова сказать не дали.

– Но почему ты тогда здесь?

– А это уже не важно. Это не играет никакой роли. Я тут ведь не одна.

Из темноты выплыла фигура Массалова.

– Привет, Андрюха. Меня тоже забрали. Говорил же тебе, что заберут. Даже чай допить не дали. Пришли, занавесили окна и забрали.

– Вы были не вместе в тот момент?

– Алла меня выгнала. Я поднялся в 920. Там и настигли. Я ж говорил тебе.

Массалов подошел к стульям и сел рядом с Аллой. Вдруг Разумов увидел еще два силуэта. Из мрака появилась супружеская пара.

– Алексей, Вера! Но вы...

– Нездешние, да. Но теперь видимо и нездешних забирают. Такова судьба. Мать мою тоже забрали. Пришли, занавесили окна и забрали.

Супруги взялись за руки и сели рядом с Массаловым.

– Уи-уи! Андрэ, друг мой!

Разумов оглянулся.

– Луи! Ты тоже здесь...

– Уи, синьоре, уи. И та прелестная дама тоже тут.

Из-за спины француза показалось женское лицо.

– Луи невероятный человек. Я рассказала ему о своей нелёгкой судьбе, о муже. И он понял меня, без единого вопроса понял. А потом пришли жнецы. Пришли, занавесили окна и забрали нас.

Разумов закрыл лицо руками, а француз и его спутница шмыгнули на пустые стулья.

– Я ничего не понимаю, почему вас всех забрали, почему?

– А я говорил, что всех заберут, говорил же.

Разумов узнал голос того обеспокоенного незнакомца. Он появился в поле зрения мужчины, приблизился к нему, посмотрел в глаза и упал на стул.

– Пришли, занавесили окна и забрали.

– А меня они схватили в коридоре. Прости, друг, не выжил. Не сумел.

Перед Разумовым сел швейцар.

– Я пытался их уговорить, у меня ведь дочка годовалая. Никто не знал, а они знали. Сказали, что её тоже забрали. Вот, надеюсь встречу с ней там.

– Мне очень жаль. Я ничего не понимаю.

– А вам и не нужно, мужчина. Вы сделали все, что от вас требовалось: пришли в номер и стали ждать.

– Только красный шарик разбился, увы.

На последние свободные стулья сели женщины-консьержки.

Разумов посмотрел под ноги: крупные осколки от стеклянного красного шара застилали пол номера. Казалось, будто все, кто находится сейчас здесь, сидят в озере из крови.

– Пришли, занавесили окна и забрали.

– Пришли, занавесили окна и забрали.

– Закрывай глаза, Андрюша, закрывай глаза.

– Пришли, занавесили окна и забрали.

– Пришли, занавесили окна и забрали.

– Закрывай глаза, Андрюша, закрывай глаза.

– Пришли.

– Занавесили окна.

– Забрали.

Разумов отключился.

Разговор 13.

– Проснись, Разумов, проснись.

Андрей открыл глаза и его сразу ослепил яркий свет.

– Кто вы? Где я?

– Я – жнец. Ты дома.

– Я в Москве?

– Ты в моем мире, Разумов. Ты больше никогда не вернешься в Москву.

– Но... я же... я был в отеле. Потом я видел всех этих людей, потом... слабо помню, что было потом...

– Их тоже забрали, всех, с кем ты познакомился, забрали.

– Почему?

– Изначально мы планировали забрать только тебя. Та дама, что писала тебе – мы специально донимали ее голосом мужа, чтобы она обратилась к тебе. И вот, ты здесь. Но все, с кем ты виделся, стали представлять опасность, поэтому мы забрали их тоже. Забрали из-за тебя, Разумов.

– Зачем я вам?

– Ты слишком хороший человек. А хороших не любят там, где ты жил. В нашем мире намного лучше.

– Но я же умер.

– Для тех, кто живет там – да. Но не для нас. Ты попал в лучший мир. И теперь тебя ждет абсолютно другая жизнь.

– Но как же те, с кем я познакомился? Почему вы не мо-

жете их вернуть?

– А тебе действительно не безразлична их судьба?

– Абсолютно нет. Они все прекрасные люди, я увидел в каждом из них личность, отпустите их обратно в жизнь – им там будет лучше.

– Почему ты так в этом уверен?

– Я знаю, что жизнь в моем мире гораздо ярче, чем жизнь в мире жнецов. У вас тут холодно. И не снаружи холодно, а внутри. Пусто у вас всех.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Разумов. Ты правда хочешь, чтобы я вернул всех этих людей?

– Да, я хочу, чтобы они жили в том мире, в котором теперь не могу жить я. Я хочу, чтобы они радовались каждому проведенному мгновению. Я хочу, чтобы они любили и были любимыми. Хочу, чтобы они плакали и смеялись, кричали и молчали. Я хочу, чтобы они наслаждались тем, чем теперь не могу наслаждаться я.

– Но у нас...

– У вас тут ничего нет. Пустота. И в вас всех пустота. И во мне теперь тоже. Всю человечность, все чувства, отдай им и отпусти отсюда. Они это заслужили.

– Хорошо, Разумов. Я отправлю их назад. А вот тебя теперь точно не отпущу. Ты выбрал страдание во благо других, Разумов. Станный ты человек. Ты слышал историю о трех отелях? Любовь, Ненависть и Забытие? Сейчас расскажу.